

альной собственности следует обратить внимание на инновационные методы урегулирования конфликтов, такие как «мед-арб», «частная судебная система», «фасилитация».

Список использованной литературы:

1. Господарський кодекс України / Кодекс від 16.01.2003 № 436-IV / Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2003, № 18, № 19-20, № 21-22, ст. 144.

2. Бондаренко-Зелінська Н. Л. Впровадження способів альтернативного вирішення правових спорів [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/ppip/2010_9/Bondaren.pdf.

3. Лонг Д. Захист прав інтелектуальної власності: норми міжнародного і національного законодавства та їх правозастосування : практичний посібник / авторський колектив Доріс Лонг, Патриція Рей, Жаров В. О., Шевелева Т. М., Василенко І. Е., Дроб'язко В. С. – Київ, 2007. – 383 ст.

4. Паризька конвенція про охорону промислової власності / Зібрання чинних міжнародних договорів України 1990 р., № 1, с. 320.

5. Про міжнародний комерційний арбітраж : Закон України від 24.02.1994 № 4002-ХІІ / Відомості Верховної Ради України (ВВР), 1994, № 25, ст. 198.

6. Рішення Конституційного Суду України від 09.07.2002 № 15-рп/2002 / Вісник Конституційного Суду України. – 2002, № 4, стор. 17.

7. Ульянова Г. О. Актуальні питання запровадження медіації у сфері права інтелектуальної власності / Південноукраїнський правничий часопис / 25.07.2010 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/PUrch/2010_3/21P.pdf С. 66-68.

8. Центр Всесвітньої організації інтелектуальної власності по арбітражу і посередництву [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.wipo.int/export/sites/www/freepublications/ru/arbitration/779/wipo_pub_779.pdf.

9. Flemming Funch Преобразующие диалоги 1996, Перевод. Д. А. Иващенко, 1997. Издательство «Новейшая Психология». Издательство «Ника-Центр», 1997.

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ВИНЫ

В. ПРИМАК,

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник НИИ
частного права и предпринимательства имени Ф. Г. Бурчака
Национальной академии правовых наук Украины

SUMMARY

This article analyzes the individual elements of the ruling concepts of civil guilt. Discusses the need for consideration of its contents in the light of the moral and legal assessment of the intellectual and volitional behavior characteristics of the obligated person. It is concluded that to adequately display the contents of a civil guilt equally important are its social (as a moral condemnation), the intellectual and volitional (as improper display of awareness, foresight, volitional orientation of behavior) and behavioral (as a practical means of identifying the guilt of particular subject) aspects.

Key words: guilt, care, prudence, bona fides, reasonableness.

* * *

В статье анализируются отдельные элементы господствующих концепций гражданско-правовой вины. Аргументируется необходимость рассмотрения ее содержания сквозь призму морально-правовой оценки интеллектуально-волевых характеристик поведения обязанного лица. Делается вывод, что для адекватного отображения содержания гражданско-правовой вины одинаково важное значение имеют ее социальный (как морального осуждения), интеллектуально-волевой (как отображение ненадлежащих осознания, предвидения, волевой направленности поведения) и поведенческий (как средство практического выявления вины конкретного субъекта) аспекты.

Ключевые слова: вина, заботливость, осмотрительность, добросовестность, разумность

Постановка проблемы. Вопрос о содержании вины нарушителя чужого субъективного гражданского права относится к числу центральных проблем института гражданско-правовой ответственности. При этом ее исследователи нередко отдают предпочтение какой-либо одной из господствующих концепций вины, что, по нашему мнению, в конечном итоге может приводить к ограничению регулирующего потенциала указанного правового средства.

Актуальность темы исследования. В нормах гражданского законодательства постсоветских государств вина традиционно рассматривается как субъективное условие гражданско-правовой ответственности. При этом, как правило, устанавливается опровержимая презумпция вины неисправного должника, в соответствии с которой данное лицо может избежать возложения на него обязанности возместить причиненный кредитору вред в том в случае, если сможет доказать свою невиновность. Кроме того, в ряде случаев вина предстает как мерило размера возлагаемой на должника ответственности – в частности, при взыскании денежных компенсаций за моральный ущерб и в ситуациях, когда вина самого потерпевшего привела к возникновению

определенных негативных последствий. Изложенное обуславливает научную и практическую актуальность вопроса о содержании гражданско-правовой вины, которому и посвящена эта статья.

Состояние исследования. Отметим, что весомый вклад в научную разработку затронутой нами проблематики внесли Г. К. Матвеев, О. С. Иоффе, Н. С. Малейн, В. А. Рахмилович, Ю. Г. Басин, В. В. Витрянский, В. В. Луць, Я. Н. Шевченко, а также немало других ученых. В настоящее время представляется наиболее перспективным исследование особенностей проявления принципа вины в гражданском праве сквозь призму общеправовых начал справедливости, разумности и добросовестности.

Целью представленной публикации является дальнейшее развитие научных представлений о содержании гражданско-правовой вины, в том числе в плане нахождения точек соприкосновения между двумя господствующими концепциями – психологическим и поведенческим подходами к рассмотрению субъективной стороны противоправных действий или бездействия правонарушителя.

Изложение основного материала. В гражданском праве Украины и среди цивилистов ряда других стран СНГ (как и когда-то в Советском Союзе) наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой вина рассматривается как психическое отношение лица к своим противоправным действиям или бездействию и их последствиям [1]. До недавнего времени такая точка зрения была практически безальтернативно представлена в учебной литературе, ее поддерживало большинство исследователей деликтных обязательств, доминировала она и в научных исследованиях по общим вопросам гражданско-правовой ответственности. Указанный подход остается распространенным и поныне. Среди его наиболее очевидных недостатков следует упомянуть непригодность для адекватного описания вины юридических лиц и не подкрепленную процессуальными возможностями нацеленность на выявление истинного отношения правонарушителя к своему противоправному поведению и его вредным последствиям.

С принятием новых гражданских кодексов, сменивших соответствующие правовые акты советской эпохи, ситуация постепенно начала меняться. Под очевидным влиянием новелл, которыми на законодательном уровне были закреплены объективные критерии установления невиновности должника, сейчас все больше ученых начинает склоняться и к соответствующей – сугубо либо преимущественно «поведенческой» – трактовке гражданской вины, отвергая господствующую в недавнем прошлом «психологическую» концепцию (или теорию «психического

отношения лица к своим действиям и их последствиям») как искусственно привнесенную в цивилистику из сферы публичного права.

Например, на основании анализа соответствующего положения ГК Российской Федерации Е. А. Суханов отмечает: «...виной в гражданском праве следует признавать неприятие правонарушителем всех возможных мер по предотвращению неблагоприятных последствий своего поведения, необходимых при той степени заботливости и осмотрительности, которая требовалась от него по характеру лежащих на нем обязанностей и конкретным условиям оборота. Таким образом, – резюмирует российский ученый, – вина в гражданском праве рассматривается не как субъективное, психическое отношение лица к своему поведению, а как неприятие им объективно возможных мер по устранению или недопущению отрицательных результатов своих действий, диктуемых обстоятельствами конкретной ситуации» [2]. Однако не кроется ли в приведенном утверждении некое внутреннее противоречие, связанное с (возможно, несколько непроизвольным) затушевыванием юридического значения заботливости и осмотрительности – ключевых моральных факторов, определяющих поведение лица, отступление от которых является основой для общественного осуждения противоправного деяния?

Хотя следует признать, что очерченный подход ориентирует участников гражданских отношений на такую модель поведения, которая соответствует сути правоотношения, в котором они участвуют, и условиям осуществления определенной деятельности. Фактически речь идет о понуждении лица тщательно учитывать конкретные обстоятельства дела – с тем, чтобы должным образом выполнить свои обязанности и не допустить нарушения чужого субъективного гражданского права. При этом поведение правонарушителя будто соотносится с поведенческой моделью, определенной исходя из абстрактного мерила надлежащего при данных обстоятель-

ствах проявления заботливости и осмотрительности, которые можно было бы требовать от любого добросовестного лица, окажись оно на месте должника.

В то же время «непринятие мер» – это лишь одно из возможных обозначений для всей совокупности различных форм поведения, которые могут привести к нарушению субъективных прав других лиц. Использование упомянутой формулировки выводит скорее на установление причинной связи между конкретными действиями должника и причиненным им потерпевшему вредом. Кроме того, указание на допущение отрицательных результатов, если оно не сопровождается раскрытием юридически значимых характеристик субъективной стороны поведения, которые собственно и привели к возникновению тех или иных негативных последствий, больше говорит о противоправности нарушения принадлежащего кредитору права, а не о вине правонарушителя, тогда как специфическое содержание вины как функционально определенного правового средства и условия гражданско-правовой ответственности должно воплощаться прежде всего в морально-правовой оценке именно субъективной (интеллектуально-волевой) стороны совершенного деяния.

Добросовестность или недобросовестность действий обязанного лица связана исключительно с возможностью и долженствованием осознания разного рода обстоятельств, предвидения развития событий, а потому гражданско-правовую вину невозможно рассматривать вне анализа интеллектуально-волевых аспектов деятельности того или иного участника гражданских отношений. Учитывая это, можно приветствовать тот подход к характеристике определенных разновидностей вины, которого придерживается А. А. Мережко, указывая: «Умысел означает, что лицо осознает противоправность своего поведения и возможность наступления негативных последствий (например, убытки у контрагента), но сознательно, преднамеренно не принимает мер для их

предотвращения. Неосторожность имеет место в тех случаях, когда лицо хотя и не предвидело и не желало неблагоприятных последствий своего противоправного поведения, но, исходя из обстоятельств дела, могло их предвидеть и предупредить, однако не проявило необходимого внимания, добросовестности, заботливости, осмотрительности. Грубая неосторожность означает, что должник не проявил той минимальной степени заботливости и осмотрительности, которую можно было бы ожидать от любого участника имущественного оборота, если бы он оказался на месте должника, а также непринятие должником очевидных (хотя бы элементарных) мер в целях надлежащего выполнения обязательства» [3]. Теоретическая привлекательность такого рода определений как раз в том и состоит, что из них следует органическое единство морального, интеллектуально-волевого и поведенческого (внешнего, доказательственного) аспектов проявления субъективной стороны ненадлежащих действий или бездействия субъекта гражданского права.

Указанное говорит о настоятельной необходимости объединения, с одной стороны, очевидно излишне утилитарного (по крайней мере, в его «рафинированном» виде) «поведенческого» понимания вины, и, с другой стороны, морально-правовой квалификации интеллектуально-волевой составляющей поведения, явленного субъектом в определенной жизненной ситуации. К тому же чрезвычайно удобная (на первый взгляд) трактовка вины с помощью формулы «непринятие мер» в ряде случаев на практике будет выглядеть совершенно непригодной без предварительного конструирования некой абстрактной модели поведения добросовестной лица, способного разумно определить то, что ему необходимо совершить. Ведь установить те самые «надлежащие меры» часто можно только после выяснения того, каким должен быть в подобной ситуации уровень осознания лицом обстоятельств дела и предвидения им последствий своих дей-

ствий, а также всего последующего развития событий; какую интенсивность волевых усилий должен был обнаружить должник, который придерживается разумной осмотрительности в ведении своих дел и проявляет должную заботу об интересах других субъектов права.

В данной ситуации мы сталкиваемся с тесным взаимодействием начал справедливости, разумности и добросовестности, частным проявлением которого и является принцип ответственности за вину: как правило, считается несправедливым возлагать компенсационное бремя на лицо, которое действовало со всей требуемой по обстоятельствам дела добросовестностью; в свою очередь, разумным способом выявить степень надлежащей заботливости и осторожности является обращение к анализу объективных обстоятельств, которые участник гражданских правоотношений мог и должен был осознавать и предвидеть.

Вне морально-правовой оценки интеллектуально-волевого компонента действий или бездействия (поведения) обязанного лица говорить о его вине не приходится, потому что все остальное вполне охватывается объективными условиями ответственности – противоправностью и причинной связью прежде всего. Но в отличие от указанных факторов вина всегда воплощается или в намерении, или в отсутствии должной заботливости и осмотрительности лица – несмотря на то, что внешне эта самая вина проявляется, конечно, в объективных актах поведения.

Примечательно, что заботливость и осмотрительность рассматриваются как качественные параметры субъективной стороны поведения участника гражданских отношений в наиболее устойчивых и развитых правовых системах. Например, как отмечают К. Цвайгерт и Х. Кетц, согласно немецкому и швейцарскому законодательству «та из сторон признается ответственной за возникновение препятствий исполнению договора, в действиях которой (или лиц, оказывающих ей помощь) отсутствует общепринятая для делового оборота степень раз-

умной осмотрительности». То есть речь идет не о том, какие конкретные действия совершает лицо и каковы их последствия, а об оценке указанных действий с точки зрения соблюдения обычных для подобных ситуаций требований к должной добросовестности участника гражданских отношений. «Виновно» действует тот, – пишут далее упомянутые авторы, – кто преднамеренно, то есть сознательно, по собственной воле нарушает защищаемые законом блага или по неосторожности. При этом под «неосторожностью» имеется в виду проявление недостаточной степени разумной осмотрительности и заботливости, понимаемых в общепринятом для делового оборота смысле слова ...; с этой целью используется фикция образа действий разумного и добросовестного человека в подобной ситуации» [4].

Созвучна приведенным тезисам и позиция ведущих советских специалистов в сфере деликтных обязательств: «Неосторожность выражается в таком отношении лица к своим поступкам, – пишут В. Т. Смирнов и А. А. Собчак, – которое характеризуется нарушением должной внимательности, заботливости, предусмотрительности, определяемой характером соответствующего вида деятельности и особенностями осуществляющего ее субъекта. Вовне неосторожность проявляется как нарушение должником определенных требований, соблюдение которых было необходимо в данной ситуации» [5].

В обеих приведенных оценках привлекают внимание сразу несколько положений, имеющих определенное интернациональное значение, которые следует учитывать во время применения законоположений относительно вины как общего условия гражданско-правовой ответственности. Во-первых, речь идет о целесообразности использования модели общепринятого, надлежащего в контексте осуществления определенной деятельности, существующих условий делового оборота и при аналогичных фактических обстоятельствах образа действий добросовестного и разумного лица, которое

действует осмотрительно и с ожидаемой от него заботой об интересах своих контрагентов или субъектов абсолютных гражданских прав.

Во-вторых, вина должна рассматриваться именно в разрезе морально-правовой оценки сознательной и волевой поведения субъекта права. Однако одновременно следует учитывать, что соответствующие характеристики поведения должника в зависимости от исходной позиции исследователя или субъекта применения норм права могут толковаться и как показатель «внутреннего отношения» субъекта к его действиям и их последствиям, и как преимущественно абстрактный интеллектуально-волевой признак определенной модели поведения, обуславливающий вывод о недопустимости совершения действий, которые заслуживают общественного осуждения. В последнем случае вина может представлять как морально-правовая оценка интеллектуально-волевой стороны определенного образа действий в конкретной обстановке нарушение чужого гражданского права. Иными словами, в зависимости от позиции субъекта применения норм права в фокусе его внимания находится либо конкретный правонарушитель со всеми его особенностями, либо (по крайней мере прежде всего) модель поведения, которой последний «воспользовался» при совершении правонарушения.

В-третьих, в свете возможности использования фикции «образа действий разумного и добросовестного лица» в качестве масштаба для определения надлежащей степени заботливости и осмотрительности именно внешний, поведенческий ракурс гражданской вины выглядит наиболее целесообразным и убедительным. Одновременно это не исключает учета при необходимости также и индивидуальных качеств правонарушителя, которые иногда действительно могут приобретать первостепенное значение – особенно в тех случаях, когда речь не идет ни об осуществлении какой-либо профессиональной деятельности, ни о различного рода стандартных ситуациях, с которыми лицо систе-

матически сталкивается в процессе своей жизнедеятельности, и к столь же стандартному (нормальному, адекватному) реагированию на которые субъект права должен быть готов всегда, ни о наличии у него очевидно больших по сравнению с другими участниками гражданских отношений, возможностей предотвратить нарушение чужих субъективных гражданских прав.

Заметим, что рассмотрение вины сквозь призму морально-правовой оценки интеллектуально-волевых характеристик, объективно воплощенных в определенном поведении, позволяет несколько сгладить противоречия, разделяющие сторонников «психологической» и «поведенческой» концепций гражданской вины.

Выводы. В целом на основании изложенного можно сделать вывод, что для адекватного отображения содержания гражданско-правовой вины одинаково важное значение имеют ее социальный (как морального осуждения), интеллектуально-волевой (как отображение ненадлежащих осознания, предвидения, волевой направленности поведения) и поведенческий (как средство практического выявления вины конкретного субъекта) аспекты. При этом следует учитывать прямую обусловленность всех форм проявления принципа вины тесным взаимодействием общеправовых начал справедливости, разумности и добросовестности.

Список использованной литературы

1. Матвеев Г. К. Основания гражданско-правовой ответственности / Г. К. Матвеев. – М. : Юрид. лит., 1970. – С. 185; Варул П. А. Методологические проблемы исследования гражданско-правовой ответственности / П. А. Варул. – Таллинн : Ээсти раамат, 1986. – С. 46–47; Слесарев В. Л. Экономические санкции в советском гражданском праве. – Красноярск: Краснояр. ун-т, 1989. – С. 56–62.
2. Гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. – М. : БЕК, 2000. – Т. 1. – С. 449.
3. Цивільний кодекс України : постановлений науково-практичний комен-

тар : у 2 ч. / відп. ред. А. С. Довгерт, Н. С. Кузнецова. – К. : Юстініан, 2006. – Ч. 2. – С. 107–108.

4. Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права / К. Цвайгерт, Х. Кетц : в 2 т. – М. : Междунар. отношения, 1998. – Т. 2. – С. 224, 364.

5. Смирнов В. Т. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве / В. Т. Смирнов, А. А. Собчак. – Л. : ЛГУ, 1983. – С. 80.